

Мемуары Христо Шалдева как источник по истории болгарских студенческих объединений в России в начале XX в. Дмитрий Лабаури

Лабаури Д.О.

доцент, к.и.н.

Уральский государственный университет

(Екатеринбург)

Мемуары Христо Шалдева как источник по истории болгарских студенческих объединений в России в начале XX в.*

- В: Россия - Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII-XXI вв.

Российско-болгарские дискуссии. М., 2010, 165-184

[DLABAURI.pdf](#)

Член Внутренней македоно-одринской революционной организации (ВМОРО) с 1895 г. и одновременно одно из доверенных лиц экзарха Йосифа, Христо Шалдев (Гумендже, 1876 – 1962, София) сыграл важную роль в становлении и развитии тайных македоно-одринских кружков болгарских студентов в России в начале XX в. Он же оказался и единственным из революционных деятелей, кто в своих мемуарах подробно осветил историю этих кружков и их взаимоотношения со Славяно-македонским научно-литературным обществом в Петербурге.

Фонд № 1900 деятеля ВМОРО Христо Шалдева был сформирован в Центральном государственном историческом архиве (ЦДА) Болгарии в октябре 1989 г. из серии документов, переданных его сыном Илией Шалдевым, проживавшим в Австралии.^[1] Фонд содержит 16 архивных единиц, наиболее важные из которых – автобиография 1947 г.^[2] и другие мемуарные работы Шалдева, наиболее поздние из которых датированы 1952 г.,^[3] а две более ранние были написаны, по всей видимости, до завершения Второй мировой войны.^[4] К мемуарам прилагается сделанная Х. Шалдевым подборка документов македоно-одринских кружков болгарских студентов в России, включая их переписку с ЦК ВМОРО в Салониках. Самим Илией Шалдевым полностью опубликована была лишь автобиография отца.^[5]

Еще при жизни, в 1956 г., Христо Шалдев, по всей видимости, успел отправить один из вариантов своих рукописных мемуаров о деятельности македоно-одринских кружков в России югославскому историку Л. Лапе.^[6] и с тех пор он хранится в Архивном отделении при Институте национальной истории в Скопье. А чуть позже, в 1959 г., Х. Шалдев передал на хранение рукописи двух своих работ «Страницы из моей ранней революционной деятельности» и «О славяно-македонском обществе в Петербурге», датированные 1952 г., участнику македоно-одринского движения Николе Майскому, который активно собирал в то время воспоминания еще живых своих соратников по революционной борьбе в Македонии. Сборник воспоминаний, подготовленный Майским, так и не был опубликован при его жизни и поступил в ЦДА в фонд № 933.^[7]

С тех пор историки из Республики Македонии (сперва социалистической в составе СФРЮ, а затем и независимой) и их коллеги из Болгарии успели создать две параллельные истории македонской студенческой эмиграции в России. В болгарской историографии первыми эту тему в своих работах затронули Н. Велев, Х. Христов и К. Црнушанов, главным образом в контексте противоборства болгарских студентов из Македонии со «славяно-македонцами»^[8] Д. Чуповского и К. Мисиркова, которые в начале XX в. поставили под вопрос болгарскую идентичность македонских славян и призвали к их национально-культурному возрождению в качестве отдельной нации.^[9] Целостную

картину истории болгарских македоно-одринских студенческих объединений в России в указанный период впервые попытался воссоздать Б. Николов, который в 1988 г. на основе документов фонда № 933 ЦДА опубликовал устав этих тайных обществ, разработанный в 1904 г.^[10] Публикация Б. Николова спустя два года была существенно дополнена статьей С. Елдарова, использовавшего материалы все того же фонда № 933.^[11] В 2005 г. В. Китанов и Ц. Билярский в сборнике документов, посвященном Ивану Гарванову, опубликовали часть переписки между петербургским Тайным македоно-одринским кружком (ТМОК) и ЦК ВМОРО в 1902-1903 гг. Однако до сих пор в истории ТМОК остаются белые пятна.

Внимание македонских историков было приковано в основном к истории Славяно-македонского научно-литературного общества в Петербурге, созданного в 1902 г. и просуществовавшего до 1917 г. Его главным историографом после первых открытий, сделанных Л. Лапе,^[12] стал Б. Ристовский,^[13] который помимо прочего предпринял попытку объяснить поведение главного оппонента «славяно-македонцев» в Петербурге Х. Шалдева. Б. Ристовский при этом пришел к несколько упрощенному выводу о том, что Х. Шалдев якобы «ради сохранения болгарской стипендии стал орудием болгарского экзарха» и действовал в Петербурге в соответствии с его «директивами».^[14] Х. Шалдеву при этом македонскими историками отводилась роль, которая в действительности была едва ли ему по силам – настроить всесильную ВМОРО против славяно-македонских интеллектуалов и тем самым воспрепятствовать реализации македонской национальной идеи в самой Македонии.^[15]

Ввиду этих тяжких обвинений вполне оправданным было бы предоставить слово и самому Х. Шалдеву. Инициатором продолжения учебы бывшего стамбульского семинариста в России в 1899 г. был сам экзарх Йосиф, надевшийся тем самым оторвать Х. Шалдева от революционной деятельности и уберечь от репрессий со стороны турецких властей.^[16] В своих воспоминаниях Шалдев пишет о том, что с радостью принял предложение экзарха отправиться в страну, которую он «идеализировал и от которой ожидал дипломатической поддержки и заступничества в освободительной борьбе».^[17]

В конце августа 1899 г. Шалдев прибыл в Петербург, где встретился со своим бывшим соучеником по Духовной семинарии в Стамбуле Иваном Сапунаровым, являвшимся к тому времени одним из лидеров болгарской студенческой колонии в российской столице. От Сапунарова Шалдев узнал о том, что болгарские студенты в Петербурге уже были «организованы в просветительское общество с целью саморазвития».^[18]

Благодаря письму экзарха Шалдев получил от Св. Синода направление на учебу в Полтавскую духовную семинарию. И поскольку предметы, преподаваемые в болгарской семинарии в Стамбуле и в русской семинарии в Полтаве совпадали, он, выдержав вступительный экзамен (по материалу четвертого класса), сразу был зачислен в пятый класс.^[19]

Проведенные в Полтаве два года стали временем погружения Шалдева в общественно-политическую борьбу, разгоравшуюся на юге России. Еще с первых дней пребывания в семинарии он обратил внимание на то, что, если на занятиях разговор велся исключительно на русском литературном языке, то вне класса воспитанники разговаривали друг с другом на «украинском говоре».^[20] Двумя его наиболее близкими друзьями в семинарии в указанный период были, по его собственному признанию, Владимир Пархоменко, по всей видимости, будущий историк, автор ряда работ по истории православия на Руси и русской государственности,^[21] и будущий глава Директории Украинской Народной Республики Симон Петлюра.^[22] В машинописном варианте воспоминаний Шалдева от 1952 г., подготовленных к публикации Майским, Петлюра назван «буйным, пламенным патриотом и надменным украинцем с крайними сепаратистскими националистическими убеждениями (выделено в тексте – Д.Л.)», сводившимися главным образом к созданию независимого от России Украинского государства «от устья реки Днестр до Кавказского хребта с населением более 30 миллионов человек».^[23] Столь категоричная характеристика, впрочем, отсутствует в более ранних рукописных вариантах воспоминаний Х. Шалдева. Именно Петлюре македонский воспитанник был обязан участием в двух тайных собраниях («конгрессах») украинских национальных революционеров в Полтаве зимой 1899-1900 гг. и в феврале 1901 г.^[24] На втором собрании Шалдев выступал с докладом о македонской освободительной борьбе, вызвавшим в целом положительную реакцию у слушателей. Более всего, по его словам, украинских революционеров интересовали практические вопросы, касающиеся структуры и организации ВМОРО. Сравнительно быстрый успех македоно-одринского освободительного движения по сравнению с украинским национальным движением собравшиеся объяснили тем, что македонским революционерам проще было привлечь широкие слои населения на борьбу против иноверного и инородного врага.^[25]

Во время учебы в Полтаве в 1899-1901 гг. Шалдев регулярно получал вести от своих товарищей из Салоник и Стамбула, а также вел переписку со студентами Духовных академий в Петербурге и Казани Иваном Сапунаровым и Димитрием Кюркчиевым, как и с Владимиром Робевым, учившимся в Женеве. Последний, в частности, сообщал ему о деятельности образованных болгарскими студентами в Швейцарии, Бельгии и Франции македоно-одринских кружках с целью оказывать моральную и материальную помощь освободительной борьбе в Македонии и Фракии.^[26] Пример

соотечественников, обучающихся в Западной Европе, как и информация о нарастающей пропагандистской активности сербских студентов в России, подтолкнули Шалдева к идее о необходимости создания подобного македоно-одринского кружка и в Петербурге.[\[27\]](#)

Успешно завершив в июне 1901 г. Полтавскую семинарию, Шалдев отправляется в Петербург, где вместе с Пархоменко поступает в Духовную академию, в которой на курс старше уже учился его будущий основной оппонент славяно-македонец Димитрий Чуповский. Здесь, однако, Шалдев уже застал созданный Сапунаровым 12 ноября 1900 г. «македонский кружок из 10 человек», который формально оставался подразделением более широкого общеполгарского студенческого объединения в Петербурге, насчитывавшего в своих рядах более 100 человек. В это число не входило порядка 80 болгарских офицеров, обучавшихся в Петербургской Академии Генерального штаба и других высших военных училищах. Однако все вместе они образовывали «болгарскую колонию» в Петербурге, ежегодно собиравшуюся 19 февраля на празднование дня Освобождения Болгарии. Обычно чествование проходило с участием представителей Славянского благотворительного общества и болгарского посланника в Петербурге и носило таким образом официальный характер.[\[28\]](#) Легальный институциональный статус имело и общеполгарское студенческое общество, благодаря чему оно могло ежемесячно проводить собрания в одном из салонов Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества.[\[29\]](#) Такими же привилегиями обладали и студенческие объединения сербской и чешской молодежи в Петербурге. Именно поэтому образованный Сапунаровым македоно-одринский кружок, в который помимо уроженцев Македонии вошли и болгары из Княжества, и даже один русский Владимир Войткевич, первоначально все свои инициативы осуществлял через указанное общеполгарское студенческое общество. Основными источниками доходов кружка стали членские взносы и прибыль от ежегодной лотереи, разыгрываемой между членами болгарской колонии в Петербурге на день 19 февраля. Так, только за первые четыре месяца своего существования кружок смог собрать и отправить в кассу Верховного македоно-одринского комитета (ВМОК) в Софии 89,5 рублей и такую же сумму в последующий период до середины июля 1901 г.,[\[30\]](#) когда завершивший учебу И. Сапунаров покинул Петербург, передав бразды правления Данаилу Ласкову. Для сравнения созданный болгарскими студентами в марте 1900 г. аналогичный македоно-одринский кружок из 22 человек в Киеве под председательством Димитра Ганева почти за год своей деятельности к концу февраля смог отправить в кассу Верховного комитета всего лишь 30 рублей.[\[31\]](#)

Принятие Х. Шалдева вместе с другими новичками в петербургский македоно-одринский кружок состоялось 28 октября 1901 г. на одном из первых его заседаний после летних каникул. Шалдев при этом сразу же получил должность секретаря-кассира.[\[32\]](#) Основные вопросы, которыми занимался кружок в этот учебный год, касались сбора средств для ВМОК[\[33\]](#) и перевода на русский язык для последующей публикации в России труда болгарского этнографа В. Кынчова «Македония. Этнография и Статистика», вышедшего в 1900 г.[\[34\]](#) Участники кружка при этом не приостанавливали свое членство и в общеполгарском студенческом обществе. Так, Христо Шалдев был основным составителем поздравительного письма на имя экзарха Йосифа, подписанного всеми болгарскими студентами в Петербурге.[\[35\]](#)

Применительно к этому периоду сохранились и отрывочные заметки Шалдева о деятельности одного из основателей кружка Крсте Мисиркова, студента историко-филологического факультета Петербургского университета, более известного позже по своему трактату «За македонските работи», который был написан на македонском диалекте в 1903 г. и содержал обоснования задач молодого славяно-македонского национального движения. В 1901-1902 же годах македонец Мисирков, судя по заметкам Х. Шалдева, придерживался болгарской самоидентификации.[\[36\]](#) Шалдеву, в частности, запомнились два доклада Мисиркова, сделанные весной 1902 г. на заседании общеполгарского студенческого общества в Петербурге,[\[37\]](#) и представлявшие собой, по всей видимости, выдержки из его выпускной диссертации (дипломной работы). Первый доклад был посвящен месту и образу Кралевица Марко в истории и самосознании македонских славян, причем делался вывод о Марко как о «болгарском национальном герое», а второй доклад касался «македонских народных говоров», которые определялись автором «по своим синтаксическим и грамматическим нормам» как «наречия общеполгарского языка, такие же, какие имеются и в свободном Княжестве».[\[38\]](#) По словам Шалдева, именно два указанных доклада, произведших впечатление на студенческую аудиторию, как и статус одного из основателей македоно-одринского кружка, обеспечили К. Мисиркову его избрание 28 сентября 1902 г. (на первом заседании после летних каникул) на должность председателя кружка.[\[39\]](#)

Избрание тем временем произошло в условиях уже начавшегося в Македонии (с 23 сентября) Горноджумайского восстания, окончательно расколовшего болгарскую и эмигрантскую болгаро-македонскую общественность на два лагеря: сторонников Верховного Комитета Михайловского-Цончева и восстания и сторонников ВМОРО и Верховного Комитета Станишева-Карайовова, выступавших против преждевременного восстания.[\[40\]](#) Сам Шалдев, побывавший во время летних каникул 1902 г. в Софии и встречавшийся со многими революционерами, в том числе и бывшими заграничными представителями ВМОРО Гоце Делчевым и Гёрге Петровым, в Петербург вернулся убежденным сторонником «внутренних».[\[41\]](#) Тогда как Мисирков, по его словам, был плохо осведомлен о «различиях между верховниками и централистами и как председатель кружка выступал за ведение переписки с Верховным Комитетом [Михайловского-Цончева]».[\[42\]](#)

На первом заседании кружка 28 сентября 1902 г., по всей видимости, удалось прийти к компромиссному решению, а именно отправить письмо в оба Комитета в Софии с просьбой изложить «истинное положение дел в Македонии». Это решение было исполнено 30 сентября.^[43] Однако освещаемые в русской прессе события в поработенной Македонии и свободной Болгарии развивались стремительно, а письма из Петербурга до Софии и обратно шли долго. Так, например, ответ Верховного комитета Станишева-Карайовова о несвоевременности и гибельности Горнодзумаевского восстания для освободительного движения в Македонии был отправлен в Петербург только 9 октября 1902 г.,^[44] когда внутри петербургского македоно-одринского кружка, по словам Х. Шалдева, уже разразился конфликт между Мисирковым и сторонниками ВМОРО.^[45]

8 октября 1902 г., созвав внеочередное собрание кружка, К. Мисирков, по всей видимости, сумел одержать временную победу и отстранить от его руководства Х. Шалдева как секретаря, через которого должна была проходить вся деловая переписка кружка. Как бы то ни было, 9 октября при помощи своего сторонника Крестникова и без ведома Шалдева Мисирков от имени кружка отправил официальное послание Комитету Михайловского-Цончева. В этом письме он информировал о разногласиях внутри кружка и просил ответ высылать отныне не на адрес Х. Шалдева, а на его собственный.^[46] А кроме того, Мисирков сообщал, что на внеочередном собрании 8 октября большинством голосов, 12 против 3 при 1 воздержавшемся, восстание «против рабства и тирании» было поддержано, как и его руководители. При этом была выражена готовность оказать помощь восстанию, в том числе и добровольцами, если это потребуется.^[47]

И хотя до своего отъезда в Македонию в ноябре 1902 г. Мисирков успел отправить еще одно письмо Комитету Михайловского-Цончева, в котором он информировал о настроении членов Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества относительно событий в Македонии, якобы выступавших «за разрешение македонского вопроса не только в пользу македонцев, но и в пользу сербо-болгарского сближения»,^[48] его усердие, по всей видимости, не было оценено должным образом, поскольку состоявший в большинстве своем из офицеров Верховный комитет Михайловского-Цончева предпочел выслать в октябре 1902 г. документ с полномочиями на сбор денежных средств капитану Винарову из Петербургской артиллерийской академии.^[49] Данный факт, по словам Шалдева, не мог не вызвать удивления у Мисиркова.^[50]

Из Болгарии тем временем до македоно-одринского кружка стали доходить сведения о бесславном завершении «четнического восстания», дорого стоившего болгарскому населению Пиринской Македонии, а кроме того, и занявший в сентябре 1902 г. должность учителя в болгарской Салоникской гимназии Иван Сапунаров, вошедший в состав местного окружного комитета ВМОРО, получил от Центрального комитета организации полномочия на ведение прямых переговоров с македоно-одринским кружком в Петербурге с целью привлечь его в ряды Внутренней организации. Два его послания от 11 октября произвели впечатление на членов петербургского кружка, после чего на собрании 21 октября 1902 г. большинством голосов было решено прекратить связи с Верховным комитетом и вести переписку и высылать денежные средства только ЦК ВМОРО. Письмо в этом духе было отправлено И. Сапунарову 27 октября 1902 г. и получено Центральным Комитетом 7 ноября этого года.^[51]

Конфликт внутри македоно-одринского кружка в Петербурге был, таким образом, преодолен. Тем более, что и сам Мисирков вскоре отправился экзархийским учителем в Битольскую гимназию.^[52] Вполне логичным выглядит и высланное из Петербурга в Салоники 26 ноября 1902 г. предупреждение о верховистских взглядах Мисиркова, которому «следовало внушить необходимость действовать в духе централизма».^[53] Длительный и обстоятельный разговор с ним членов ЦК ВМОРО действительно состоялся в середине декабря 1902 г. Тогда, правда, руководство Революционной организации, взявшее под давлением вернувшихся из заточения Х. Матова и Х. Татарчева курс на сближение с Комитетом Михайловского-Цончева для совместной подготовки нового восстания в 1903 г.,^[54] менее всего интересовали верховистские взгляды бывшего петербургского студента, и члены ЦК довольствовались формальным принятием Мисирковым доктрины централизма, посвятив его в суть происходивших в Македонии событий. Претензии Мисиркова, однако, как показало дальнейшее развитие событий, к болгарской колонии в Петербурге, к ВМОРО и к болгарскому обществу в целом остались, и они в полной мере были изложены в его нашумевшей работе «За македонците работи» после завершения Ильинденско-Преображенского восстания в 1903 г.

На этом страницу в истории македоно-одринского кружка в Петербурге, связанную с Мисирковым, можно было бы закрыть, если бы не один загадочный эпизод, замалчиваемый болгарской историографией, а македонской историографией рассматриваемый как акт македонской национальной эмансипации. Речь идет о коллективном прошении студентов уроженцев Македонии во главе с К. Мисирковым в Совет Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества о предоставлении им помещения для регулярных собраний на том же основании, что и для чешской, сербской и болгарской студенческой молодежи.^[55] Это прошение, датированное 28 октября 1902 г., содержало 19 подписей (включая подпись самого Х. Шалдева), которые принадлежали не только членам македоно-одринского кружка (ТМОК), но и тем, которых Х. Шалдев впоследствии назовет «одержимыми болгароненавистничеством» сербскими

воспитанниками из северо-западной Македонии. Именно они, по его мнению, в 1902 г. заложили основы славяно-македонского общества в Петербурге с задачей разъяснять русским общественным деятелям и журналистам, что «македонские славяне – не болгары, а отдельный южнославянский народ – славяно-македонский – со своим бытом и языком».[56] К последним, по всей видимости, принадлежали являвшиеся ранее членами сербского студенческого общества в Петербурге студенты Р. Русуленчич, Г. Константинович, Н. Ничота и Д. Чуповский[57] и прибывшие к ним из Белграда в октябре 1902 г. Д. Мишайков и С. Дедов. Мотивация такого решения с точки зрения славяно-македонцев было предельно ясно изложена как в самом тексте прошения, так и впоследствии К. Мисирковым: «Идея образования нашего общества состояла в полном отделении наших [македонских] интересов от болгарских. Тем самым мы хотели показать русским, что у нас в Македонии нет национального антагонизма и возможна совместная деятельность всех македонских народностей на культурной основе. Еще более мы хотели доказать русским, что в Македонии нет нескольких славянских народностей, а только одна, что македонские славяне сами могут разрушить преграду, созданную между ними пропагандой [соседних держав]».[58]

Мотивация же македонских болгар, поставивших свои подписи под документом, остается не вполне ясной. Тем более что на предыдущих заседаниях ТМОК не только не было зафиксировано никаких намерений отделиться от общеполитического студенческого общества, но и наоборот было решено активней привлекать его к акциям македоно-одринского кружка. А 28 сентября 1902 г. даже было принято решение в ходе выборов нового настоятельства общеполитического студенческого общества стараться избрать в него «больше наших членов», чтобы в дальнейшем легче проводить через указанное общество собственные инициативы.[59]

Х. Шалдев при этом ни разу ни в одном из вариантов своих воспоминаний не упоминает о существовании Прощения от 28 октября 1902 г., как и о своем отношении к нему, а предоставление «малочисленной славяно-македонской студенческой группе» целого салона для проведения своих собраний объясняет заступничеством сербского посла в Петербурге Стояна Новаковича, который, по его мнению, был «родоначальником этой [славяно-македонской] фракционной этнической теории» и распространял ее среди журналистов и членов Славянского благотворительного общества.[60] Путается Х. Шалдев и с датой основания нового студенческого общества, формально объясняя это тем, что не придавал первоначально большого значения инициативе славяно-македонцев.[61]

Таким образом, если исключить вариант подделки славяно-македонцами подписей своих болгарских соотечественников под Прощением от 28 октября 1902 г., невольно приходит на ум предположение, что Х. Шалдев тщательно старался скрыть тот факт, что он, сам того не желая, явился одним из учредителей пресловутого славяно-македонского общества, провозглашенного им позже «новым врагом» македоно-одринского освободительного дела и ВМОРО.[62] Но как бы то ни было, дверь в него для македонцев с болгарским самосознанием после того, как 1 ноября 1902 г. от Совета Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества было получено положительное решение, а 12 ноября 1902 г. Д. Мишайковым и С. Дедовым в Петербурге был представлен македонский национальный меморандум, была закрыта. Ни единого совместного собрания всех 19 подписавшихся под Прощением от 28 октября 1902 г., по всей видимости, так и не состоялось.[63] При Славянском благотворительном обществе в Петербурге наряду с чешским, сербским и болгарским студенческими объединениями официальный институциональный статус теперь приобрело и македонское студенческое объединение, получившее впоследствии название «Славяно-македонского научно-литературного общества им. Св. Климента» и признаваемое в современной Республике Македонии предтечей Македонской академии науки и искусств.[64] А основанный в 1900 г. македоно-одринский кружок (ТМОК) продолжил свое существование в качестве подразделения общеполитического студенческого общества при Славянском благотворительном обществе в Петербурге. После отъезда К. Мисиркова в Македонию место председателя кружка занял студент Военно-медицинской академии Никола Христов.[65]

Не проясненной в мемуарах Х. Шалдева остается и роль К. Мисиркова в конституировании нового славянского общества в Петербурге перед самым его отъездом в Битола.[66] Не прояснена это роль, видимо, была и для самого Шалдева и его сторонников, иначе обвинения в адрес К. Мисиркова в письме к ЦК ВМОРО от 26 ноября 1902 г. были бы намного более тяжелыми. Доподлинно известно, однако, что именно контакты с прибывшими из Белграда в Петербург Д. Мишайковым и С. Дедовым способствовали окончательно принятию К. Мисирковым в конце октября – ноябре 1902 г. платформы македонизма. С. Дедов предельно ясно говорил об этом представителю македоно-одринской эмиграции в Софии Е. Спространову в ноябре 1903 г.: «Этот [Мисирков] до прошлого года был отчаянным националистом болгарин, против меня интриговал, а сейчас проявил себя отчаянным сепаратистом!»[67] По-видимому разногласия с Х. Шалдевым и сторонниками ВМОРО внутри болгарского македоно-одринского кружка, разочарование в болгарской официальной политике и игнорирование его со стороны ВМОК Михайловского-Цончева и группы надменного капитана Винарова в Петербурге и толкнули в итоге «лавирующего» (так его называет Х. Шалдев в своих мемуарах) К. Мисиркова в объятия к конституирующейся группе славяно-македонцев, предложивших альтернативный вариант развития Македонии.

ТМОК в Петербурге оставалось лишь следить за деятельностью славяно-македонцев, которые, по словам Х. Шалдева, якобы «говорят и действуют от имени 34 сел в Македонии», для нужд которых

они собирались отпечатать 1500 славяно-македонских букварей.^[68] Первые сведения о деятельности славяно-македонского общества болгарские студенты получили 29 декабря 1902 г., когда на его втором собрании смог присутствовать и даже сохранить черновик протокола ближайший соратник Х. Шалдева Милан Стоилов.^[69] А в последующем македоно-одринский кружок и Шалдев лично информировали ЦК ВМОРО и экзарха Йосифа о деятельности славяно-македонцев, особенно после ставших известными им из перехваченного в феврале 1904 г. письма тайных переговоров Д. Чуповского с секретарем турецкого посольства в Петербурге.^[70] В сохранившемся ответном послании салоникинского окружного комитета ВМОРО (бывшего ЦК) петербургские славяно-македонцы назывались «истинными шпионами турок» из-за своего желания сотрудничать с ними в интересах сохранения целостности Турции.^[71] В том же письме комитет обещал воспрепятствовать агитации двух славяно-македонцев отправившихся при помощи турецких дипломатов в Македонию.^[72]

Усложнение ситуации в Македонии, готовившейся к очередному восстанию в 1903 г., требовало, однако, от ТМОК активизации деятельности в ином направлении – в направлении экстренного поиска денежных средств. С этой целью кружок смог привлечь к организации ряда мероприятий, основными из которых стали две лотереи и «музыкально-танцевальная вечеринка» в салоне Земского собрания, которая предполагала исполнение «македонских и болгарских народных песен» и танцев, всю болгарскую колонию, включая дипломатического агента Болгарии в Петербурге Д. Станчова. Наибольший успех имела состоявшаяся 25 января 1903 г. «вечеринка», которая собрала не только петербургских студентов, но и огромное количество простых граждан разных сословий. Общий сбор от нее, который формально должен был пойти на организацию помощи пострадавшим от Горноджумайского восстания македонцам, а фактически предназначался ВМОРО для подготовки в 1903 г. нового восстания, составил 8000 рублей.^[73]

На что именно пойдут собранные болгарскими студентами в Петербурге средства едва ли сомневался и сербский посол в Петербурге Ст. Новакович, воспоминания о разговоре с которым сохранились в записках Х. Шалдева. На формальное предложение посетить организуемое болгарскими студентами в Земском собрании мероприятие, Новакович задал вопрос, знает ли он, Шалдев, «как много сербских учителей, священников и мирных сербов было убито македонской организацией». Разгневанный тем, что «благотворительная» акция болгар не была организована совместно с сербскими студентами, Новакович в итоге отказался от посещения вечеринки.^[74]

Помимо всего прочего, петербургский кружок смог установить связь с образованными уже к тому времени македоно-одринскими кружками болгарской студенческой молодежи в Киеве, Москве и Казани, которые так же были ангажированы в сбор средств для подготовки восстания в Македонии. Наиболее активным оказался киевский кружок, который осенью 1902 г. смог отправить ЦК ВМОРО 100 рублей, собранных от лотереи, и 250 рублей, пожертвованных ему неким русским князем.^[75] Тогда как московский кружок установил контакты с русскими писателями Львом Толстым и Максимом Горьким, которые обещали болгарским студентам поддержку в их издательской деятельности.^[76] Членами указанных кружков являлись и русские студенты, которые исправно платили членские взносы, а один из них, киевский студент Николай Островершенко, в декабре 1903 г. привлек к участию в сборе средств для местного македоно-одринского кружка влиятельных представителей земской общественности.^[77]

За пределами влияния петербургского македоно-одринского кружка осталась лишь многочисленная болгарская колония в Одессе, в составе которой было слишком мало выходцев из Македонии и Фракии и которая последовательно ориентировалась на группировку Михайловского-Цончева.^[78]

С января 1903 г. после принятия на Салоникиском конгрессе ВМОРО официального решения о восстании, письма Центрального комитета в Петербург участились. В них руководство революционной организации требовало усилить агитационную деятельность перед русской общественностью и журналистами, ускорить поиск новых средств, организовать канал по доставке оружия из России (от которого позже отказались в пользу греческого варианта)^[79] и начать сбор и подготовку добровольцев для участия в восстании. В одном из писем (от 12 февраля 1903 г.) кроме всего прочего указывалось: «Итак, оставьте все частные дела, оставьте и науку, ибо поколение истребляется, и некого уже будет учить. Займитесь серьезной работой ... и действуйте быстро, ибо время ограничено».^[80]

От македоно-одринского кружка ехать в Македонию вызвались Никола Христов, Милан Стоилов и Христо Шалдев, к которым затем присоединился русский студент Николай Благовещенский, родом из Ташкента.^[81] Все четверо приняли участие в Ильинденско-Преображенском восстании в составе разных чет, а Милан Стоилов был убит в одном из сражений. По сведениям Х. Шалдева, от московского кружка в Македонию отправился дьякон Климент, а от киевского – еще три добровольца, которые, однако, не смогли пересечь российскую границу из-за противодействия турецких властей.^[82]

Болгарские студенты в Петербурге были убеждены, что вся чета Х. Шалдева погибла в сражении с

многочисленным турецким войском в последние дни восстания, поэтому его возвращение в конце октября 1903 г. в Петербург через Киев, где он задержался на 2-3 дня, получилось в какой-то мере триумфальным. Сам же Шалдев, по его признанию, возвращался с боевых полей Македонии, со смешанным чувством: с одной стороны восстание принесло материальное разорение македонскому населению и «разруху в души многих македонских общественных деятелей», с другой же стороны продемонстрированные македонским населением высокий патриотизм и самопожертвование вызвали дипломатическое вмешательство великих держав и, как следствие, надежду на введение в будущем автономного управления Македонии.^[83] Об этом, скорее всего, говорил Х. Шалдев на первом после долгого перерыва собрании ТМОК в Петербурге 1 ноября 1903 г., а затем и в специальном докладе на заседании общеполитического студенческого общества.^[84] Некоторые впечатления от поездки в Македонию были изложены Х. Шалдевым в статье, опубликованной в газете «Свет».^[85] А 11 ноября 1903 г. он был избран на должность председателя ТМОК. Кружок, кроме того, пополнился двумя новыми членами – Александром Стателовым и Николаем Благовещенским.

Между тем, кризис, который переживала вся Революционная организация в Македонии, не мог не сказаться и на положении македоно-одринских кружков в России. Уже в 1903 г. практически прекратил свое существование кружок в Москве, не поступали в Петербург и сведения о деятельности болгарских студентов в Казани. Из-за ареста в конце апреля 1903 г. Центрального комитета в Салониках во главе с И. Гарвановым вплоть до конца марта 1904 г. нарушились связи ТМОК с революционной организацией в Македонии.

Уже весной 1904 г. по инициативе руководства ВМОРО стал обсуждаться вопрос об объединении македоно-одринских кружков в России с созданием Центрального бюро в Петербурге, который бы вел всю переписку с ЦК ВМОРО по аналогии с Заграничным представительством в Софии.^[86] Решение этого вопроса было перенесено в практическую плоскость лишь в сентябре 1904 г., когда в Петербург по поручению ЦК ВМОРО прибыл Иван Сапунаров. На заседании ТМОК в Петербурге 25 октября этого года данное Центральное бюро было избрано, причем в него в полном составе вошли члены настоятельства петербургского кружка: Х. Шалдев (председатель), А. Стателов (секретарь) и Х. Боботанов (кассир). А 12 декабря 1904 г. после согласования с руководством двух других македоно-одринских кружков в Киеве и Москве ими был принят «Устав македоно-одринских обществ в России», провозгласивший «вспомогательный и мирный характер» этих обществ по отношению к ВМОРО. Основными их задачами провозглашался сбор средств для Внутренней организации и «толкование ее требований и целей перед русским обществом». Во главе указанных обществ теперь стояло ежегодно избираемое Центральное бюро, которое имело право на ведение переписки с ЦК ВМОРО. Каждое местное македоно-одринское общество вместе с собранными средствами обязано было предоставлять Центральному бюро три ежегодных отчета в октябре, январе и апреле. Центральное же бюро, в свою очередь, в конце каждого учебного года отправляло годовой отчет о деятельности всех обществ Центральному комитету ВМОРО.^[87]

И хотя, по свидетельству Х. Шалдева, за два года его председательства в петербургском македоно-одринском кружке и Центральном бюро в Салоники для ВМОРО было отправлено 1500 рублей,^[88] деятельность по привлечению денежных средств и внимания русской общественности к положению македонских славян отныне протекала в крайне неблагоприятных условиях ввиду неудачной для России войны с Японией и разгоравшейся первой русской революции. А вскоре и сами болгарские студенты в Петербурге оказались вовлечены в водоворот революционных событий.^[89] Под влиянием российских социал-демократов началась и их идейная эволюция в восприятии национального и классового вопросов в Македонии.^[90]

В сентябре 1905 г. Х. Шалдев, окончивший к тому времени учебу в Духовной академии, отправился на родину. Уже в стамбульском порту он был арестован, как позже полагал, по доносу Д. Чуповского турецкому посольству в Петербурге, и доставлен затем фактически под домашний арест в родной город Гюмендже.^[91] Х. Шалдев надеялся, что его товарищи по македоно-одринскому кружку, переписка с которыми после его возвращения в Македонию была невозможна, продолжат работу по наблюдению за славяно-македонским обществом. Кружок вместе Центральным бюро, однако, просуществовал едва ли год после отъезда Шалдева и, как и в других университетских городах, окончательно слился с общеполитическим студенческим обществом, прекратив самостоятельную деятельность.^[92] Славяно-македонское научно-литературное общество же, несмотря на перерыв в работе, вызванный первой русской революцией, продолжило свое существование, и период его наибольшей активизации пришелся на годы Балканских войн и Первой мировой войны.

Х. Шалдев тогда едва ли мог предположить, что борьба с влиянием славяно-македонцев будет проиграна не только в Петербурге, но в итоге и в самой Македонии. На склоне своих лет в 1947 г. он горько сожалел о том, что не мог в силу причастности в болгарскому национальному движению оказаться снова в родном городе Гюмендже, чтобы провести там последние годы своей жизни, но еще более о том, что «наше юное поколение из свободной Вардарской Македонии отрекается от дел и национального самоопределения своих отцов, дедов и прадедов».^[93]

* Автор выражает искреннюю благодарность сотруднице ЦДИА Елене Бугарчевой и директору

ЦДИА Цочо Билярскому за помощ при работе с архивными материалами.

[1] ЦДА. Ф. 1900, опись фонда. Л. 5. Разписка за приемане и предаване на архивни документи, 03.10.1989.

[2] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 1. Л. 1-25. Христо Тръпков Шалдев (биографически сведения). София, 18.08.1947. Оригинал. Ръкопис.

[3] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 1-128. Шалдев Х. Извървян път (Спомени). За македоно-одринския кръжок в Петроград. София, 6.10.1952. Оригинал. Ръкопис; ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 7. Л. 1-98. Шалдев Х. За македоно-одринските студентски дружества в Русия (по спомени и документи). София, 6.10.1952. Оригинал. Ръкопис.

[4] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 2. Л. 1-100. Шалдев Х. Изпълнен дълг. Асеновград, февруари-март 1944 г. Оригинал. Ръкопис; ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 5. Л. 1-64. Шалдев Х. Извървян път (Спомени). За македоно-одринските кръжоци в Русия, б.д. Оригинал. Ръкопис.

[5] Extracts from the memoirs of Hristo Shaldev, Macedonian revolutionary (1876-1962). Adelaide, Australia, 1993. P. 1-12.

[6] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 10, л. 1.

[7] Там же. Ф. 933, оп. 1, а.е. 95, л. 1-460. Майски Никола Киров. С поглед към Македония - сборник от спомени и преживелици. Част първа. София, 1959. Машинопис.

[8] Выбор в начале XX в. данного определения «славяно-македонец» в качестве этнонима определялся желанием его авторов подчеркнуть македонскую национальную идентичность в условиях, когда дефиниция «македонский народ» была уже достаточно широко распространена как в свободной Болгарии, так и в порабощенной Македонии, и, как правило, обозначала либо отдельную часть единой болгарской нации, либо конгломерат различных македонских народностей. В литературе активистов данного славяно-македонского национального движения принято также называть «македонистами», а их идеологию характеризовать как «македонизм».

[9] Велев Н. Из политико-общественната дейност на Кръстьо Петков Мисирков // Исторически преглед, 1968, № 5; Христов Х. Македонизмът като политическа концепция в края на XIX и началото на XX в. // Исторически преглед, 1979, № 3; Църнушанов К. Македонизмът и съпротивата на Македония срещу него. София, 1992.

[10] Николов Б. Устав на тайните македоно-одрински студентски дружества в Русия // Исторически преглед, 1988, № 8.

[11] Елдъров С. Студентски македоно-одрински дружества в Западна Европа и Русия (1895-1903) // Исторически преглед, 1990, № 8.

[12] Лапе Љ. Документи за формирање на Славјано-македонското научно-литературно другарство и неговиот Устав // Македонски јазик, Скопје, 1965, № XVI и др.

[13] См.: Ристовски Б. Крсте П. Мисирков (1874-1926). Прилог кон проучвањето на развитокот на македонската национална мисла. Скопје, 1966; Ристовски Б. Димитрий Чуповски и македонское национальное сознание. М., 1999; Ристовски Б. История на македонската нација. Скопје, 1999 и др.

[14] Ристовски Б. Сознајби за јазикот, литературата и нацијата. Скопје, 2001. С. 438.

[15] Там же.

[16] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 18.

[17] Там же. Ф. 933, оп. 1, а.е. 95. Л. 390.

[18] Там же. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 23.

[19] Там же. Л. 24-25.

[20] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 25. В другом варианте воспоминаний Шалдев указывает на то, что семинаристы говорили «на украинском языке». ЦДА, ф. 1900, оп. 1, а.е. 5. Л. 2.

[21] Пархоменко В.А. Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX-X вв. Полтава, 1913; Пархоменко В.А. У истоков русской государственности. Л., 1924.

[22] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 5. Л. 2.

[23] Там же. Ф. 933, оп. 1, а.е. 95. Л. 394.

[24] В другом варианте рукописных мемуаров Шалдев относит второе собрание к началу 1900 г. ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 27.

[25] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 5. Л. 2; а.е. 6. Л. 27; а.е. 7. Л. 6.

[26] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 5. Л. 3; а.е. 6. Л. 27; а.е. 7. Л. 7.

[27] Там же, а.е. 7. Л. 7.

[28] Первый раз Х. Шалдев присутствовал на этом празднестве в 1902 г., когда он впервые увидел графа Н.П. Игнатьева, являвшегося в то время председателем Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. Граф, по словам Шалдева, не смог сдержать слез при исполнении болгарского национального гимна «Шуми Марица». ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 7. Л. 8.

[29] Там же, а.е. 5. Л. 4; а.е. 6. Л. 29.

[30] Елдъров С. Върховният македоно-одрински комитет и македоно-одринската организация в България (1896-1903). София, 2003. С. 234.

[31] Там же. С. 232.

[32] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 5. Л. 10.

[33] За второй учебный год (1901-1902) своего существования кружком в кассу ВМОК было отправлено 135 рублей. ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 7. Л. 58.

[34] В итоге ввиду возникших сложностей решено было распространить среди русских ученых-славистов и общественных деятелей труд В. Кынчова в его болгарском издании. ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 33.

[35] ЦДА. Ф. 933, оп. 1, а.е. 95. Л. 400.

[36] Шалдев писал буквально следующее: «Будучи моим земляком, он [К. Мисирков] приходил ко мне на квартиру [в общежитии] на Шлиссельбургском проспекте № 4 для разговоров, в которых никогда не проявлял точку зрения этнического сепаратизма по отношению к национальной принадлежности македонских славян». ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 5. Л. 14.

[37] Там же, а.е. 6. Л. 37.

[38] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 5. Л. 14. В другом более позднем варианте рукописных мемуаров Шалдев указывает, что второй доклад К. Мисиркова носил название «Этнический облик населения Македонии по данным В. Кынчова» и содержал кроме всего прочего характеристику используемого в Македонии понятия «Долна земя» (Нижняя земля), служащего доказательством неразрывной связи последней с «Верхней» Болгарией. ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 38.

[39] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 37-38.

[40] Раскол созданного в 1895 г. болгаро-македонской эмиграцией Верховного Македоно-одринского комитета состоялся на X конгрессе Македоно-одринской организации в Болгарии, проходившим с 28 июля по 4 августа 1902 г. За сторонниками генерала Цончева, считавшегося креатурой болгарского князя Фердинанда, закрепилось прозвище «верховисты», тогда как сторонников сохранения руководства освободительной борьбой в Македонии в руках Центрального комитета Внутренней революционной организации стали обозначать «внутренними» и «централистами».

[41] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 35-37; а.е. 5. Л. 12.

[42] Там же, а.е. 6. Л. 39.

[43] Там же, а.е. 5. Л. 16.

[44] Это послание, как и запрос Петербургского македоно-одринского кружка были обнаружены К. Пандевым. См.: Пандев К. Националноосвободителното движение в Македония и Одринско (1878-1903). София, 2000. С. 327.

[45] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 39.

[46] Там же, а.е. 5. Л. 17.

[47] Там же, а.е. 7. Л. 61. Док. № 34.

[48] Там же, а.е. 5. Л. 18.

[49] Елдъров С. Указ. соч. С. 234-235.

[50] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 5. Л. 18.

[51] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 5. Л. 20.

[52] Шалдев писал буквально следующее: «Внутренний конфликт был сглажен благодаря наступившему отрезвлению страстей членов кружка из-за неудачи восстания и отправлению Мисиркова учителем в Битолу». ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 39.

[53] Там же. Л. 40.

[54] Пандев К. Указ. соч. С. 327-328.

[55] Ристовский Б. Димитрий Чуповский и македонское национальное сознание. М., 1999. С. 35.

[56] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 3. Л. 4; Ф. 933, оп. 1, а.е. 95. Л. 437.

[57] Д. Чуповский, например, по словам Х. Шалдева, никогда не являлся членом македоно-одринского кружка, ни разу не посетил собрание общеполитического студенческого общества, слыл сербоманом, вместе с которыми посещал сербские студенческие собрания, и «был пропитан ненавистью ко всему болгарскому». ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 5. Л. 60.

[58] Мисирков К. За Македонските работи. София, 1903. С. 45.

[59] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 5. Л. 16.

[60] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 3. Л. 4; Ф. 933, оп. 1, а.е. 95. Л. 437.

[61] Там же. Ф. 933, оп. 1, а.е. 95. Л. 437.

[62] Там же. Ф. 933, оп. 1, а.е. 95. Л. 439; Ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 122.

[63] Разочарование македонских болгар от совместной со славяно-македонцами затеи было описано самим Мисирковым в 1903 г. следующей фразой: «Но нашлись между прошлогодними членами [общества] лица, которые нашли излишним существование такого общества, ибо не было в Македонии отдельной македонской народности, а была только сербская и болгарская, а поскольку в Петербурге имелись болгарское и сербское общества, то в македонском не было необходимости». Мисирков К. За Македонските работи. С. 45.

[64] См.: Македонското научно-литературно другарство и неговиот континуитет до основањето на Македонската академија на науките и уметностите. Прилози од научниот собир одржан на 28 и 29 јуни 1996 година во Скопје. Скопје, 1997.

[65] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 39.

[66] В одном из вариантов рукописных воспоминаний Шалдев пишет, что славяно-македонское общество в Петербурге было основано «спустя месяц после прибытия Мисиркова в Битола». Эта фраза затем была зачеркнута. ЦДА, ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 40. В другом более раннем варианте содержится его предположение, что «[славяно-македонскому] кружку, возможно, сочувствовал и Кр. Мисирков». ЦДА, ф. 1900, оп. 1, а.е. 5. Л. 61. Как бы то ни было, но Х. Шалдев, вернувшийся намного позже Мисиркова в Петербург осенью 1903 г. (из-за своего участия в восстании в Македонии), не знал, что тот продолжил свое членство в славяно-македонском обществе и выступил в нем, по меньшей мере, с тремя докладами, вошедшими затем в его книгу «За Македонските работи». Шалдев полагал, что Мисирков сразу после убийства в Битоле консула Ростковского направился в украинский Бердянск, где в должности учителя и подготовил свою нашумевшую работу, и в Петербург уже не возвращался. ЦДА, ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 40. Вместе с тем в письме к историку Л. Лапе от 15 апреля 1956 г. Шалдев безапелляционно свидетельствовал о том, что из «студентов - членов славяно-македонского общества» запомнил только Чуповского и Мисиркова. ЦДА, ф. 1900, оп. 1, а.е. 10. Л. 1.

[67] Спространов Е.А. Дневник. Т. 1. (1901-07). София. 1994. С. 333.

[68] ЦДА. Ф. 933, оп. 1, а.е. 95. Л. 445. В данном случае речь шла, скорее всего, о патриархийских селах.

[69] Там же. Л. 437-439.

[70] ЦДА. Ф. 933, оп. 1, а.е. 95, л. 439, 441-442, 444-445.

[71] Такая позиция была подробно объяснена в 1903 г. К. Мисирковым, который официально выступил против политической автономии Македонии, за которую боролась ВМОРО, аргументировав это тем, что автономия окончательно закрепит болгарский характер Македонии, поскольку большая часть ее населения самоопределяет себя болгарями, и с Болгарией тесно связаны организаторы освободительного движения. В первую очередь он призывал сосредоточиться на национально-просветительской деятельности, дабы сперва «воспитать» македонский народ в мирном сотрудничестве с турецкими властями, а затем уже требовать для него политическую свободу. Мисирков К. За Македонските работи. С. 9-44.

[72] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 7. Л. 89; а.е. 9. Л. 10.

[73] Там же, а.е. 5. Л. 25; а.е. 6. Л. 54, 56; а.е. 7. Л. 16. Шалдев указывал, что по вопросу о том, кто должен стать получателем этой суммы – ВМОК Михайловского-Цончева, за который выступали офицеры и большинство членов болгарского студенческого общества, или ЦК ВМОРО – решился в пользу ВМОРО после его личного разговора с болгарским дипломатическим агентом Д. Станчевым. Деньги в итоге были отправлены Центральному комитету через болгарского торгового представителя в Салониках А. Шопова. В машинописном варианте воспоминаний, однако, указано, что из 8000 в Салоники было отправлено только 1370 рублей.

[74] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 54-55.

[75] Там же, а.е. 5. Л. 30, 34.

[76] Там же. Л. 29.

[77] Там же. Л. 31-34.

[78] Там же. Л. 13, 34.

[79] Там же, а.е. 7. Л. 18. Договоренность, однако, о доставке старых русских берданок из Одессы в Болгарию с помощью князя Гагарина, державшего несколько торговых пароходов на Черном море, была уже достигнута. В переговорах с ним ценную услугу ТМОК оказал бывший член кружка офицер торгового флота Владимир Войткевич, позже отправившийся на театр военных действий в русско-японской войне.

[80] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 7. Л. 77-78. Иван Гарванов. Спомени. Документи. Материали / Ред. В. Китанов, Ц. Билярски. София, 2005. С. 239.

[81] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 5. Л. 36.

[82] Там же, а.е. 7. Л. 18.

[83] Там же, а.е. 5. Л. 42-44.

[84] Х. Шалдев и не подозревал, что выступал перед общестуденческой болгарской аудиторией с докладом об итогах восстания в Македонии всего лишь месяц спустя после аналогичного выступления К. Мисиркова, прибывшего в Петербург в августе-сентябре 1903 г. и успевшего уже покинуть российскую столицу к тому времени.

[85] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 94.

[86] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 5. Л. 47-50.

[87] Там же, а.е. 6. Л. 100-103. Николов Б. Устав на тайните македоно-одрински студентски дружества в Русия // Исторически преглед, 1988, № 8. С. 91-92.

[88] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 6. Л. 105.

[89] Там же. Л. 104.

[90] Там же. Л. 109.

[91] ЦДА. Ф. 1900, оп. 1, а.е. 5. Л. 65.

[92] Там же, а.е. 6. Л. 110.

[93] Там же, а.е. 1. Л. 25. Христо Тръпков Шалдев (биографически сведения). София, 18.08.1947.